

“Когда я очнулся и понял, что ноги нет, заплакал” — из фильма Сергея Говорухина “Прокляты и забыты”.

Война не выбирает, ее жертвами подчас становятся люди мирных профессий: врачи, журналисты. Сергей Говорухин, сын известного режиссера и депутата Госдумы, стал частью этой войны, разделив ее боль и страдание. Он ехал туда как документалист, делать фильм. Вернулся оттуда солдатом. На костылях, с медалями и болью в глазах. “Мы не нужны этой стране. Ей не нужны наши искалеченные судьбы и жизни. Об этом я и делал фильм”, — говорит он с горечью. Он потерял там ногу и до сих пор не свыкся с этой потерей. Наверное, к этому просто нельзя привыкнуть, как нельзя привыкнуть к голоду, бомбежкам, смерти. Но можно попытаться жить, как прежде. После ранения он два раза ездил — уже на протезе — в Чечню. К тому времени война уже стала для него наркотиком.

Его фильм о тех, голодных, оборванных мальчишках, которых Родина, не обучивши толком стрелять, использовала как пушечное мясо. О талантливых и нищих командирах, забывших, что такое зарплата. О брошенных на произвол судьбы пленных. О тех, кто погиб и кто уцелел на этой войне. И о нас, кто не предотвратил эту войну тогда.

— Почему ты поехал в Чечню снимать фильм?

— Мы поехали в Грозный из Таджикистана, потому что вступила в силу некая конъюнктура и наши съемки в Таджикистане померкли перед тем, что творилось в Чечне. В искусстве это называется перебить тему. Никакой особой канвы картины на тот момент не было, просто надо было работать, снимать в зоне боевых действий, что мы и делали, а уже впоследствии это все обрело форму.

— А как проходил сам процесс съемок, не пыталось ли наше или чеченское командование ставить палки в колеса и мешать работать?

— Мы работали всегда с нашей стороны. В Чечне был вселенский бардак, и со съемками было проблематично. Но особых препятствий не было: все, что хотели, мы снимали. Потому что на уровне среднего командирского звена все решается очень просто, но надо к генералам ходить. С теми, кто воюет, всегда можно договориться.

— Ты сказал, что тебе давали оружие. Но ведь существует международная Хартия журналистов, по которой мы не должны брать оружие в руки!

— Я не журналист, а документалист, чему очень рад. И мне давали автомат, патроны. Все как положено. Это война.

— Как тебя ранили?

— Это произошло в самом начале войны, 2 февраля 1995 года. Мы попали под снайперский обстрел, все остались целы, и последняя пуля, выпущенная снайпером уже вдогонку, как раз досталась мне. Я очень долго не мог попасть в Москву. В Грозном, конечно, прооперировали быстро, но там был конвейер, и они сделали, что могли в полевых условиях, а потом отправляли на “большую землю” по госпиталю. Ну и пока тянулась вся эта волокита, началась гангрена, и ногу пришлось отнять.

— У тебя не осталось злобы по отношению к чеченцам?

— Конечно, пока я лез на стенку от боли, ненависть была. А потом успокоился, переосмыслил все. Это война, и мы в ней были оккупантами, а они

защищали свою землю. Никакого права на военные действия мы не имели. Я вообще просто плохо отношусь к чеченцам вне зависимости от обстоятельств. Они достойные бойцы. Но как нация? Никто не задается вопросом, почему Сталин, сам кавказец, репатриировал их. Так зачем нам вообще такая Чечня?

— Ты можешь как-то спрогнозировать дальнейшее развитие событий с Чечней?

— Ну если послушать Куликова, то опять война будет, а Рыбкина — мир. Мне кажется, никого не надо слушать. Надо обнести все это границей, и пусть они там делают что хотят. Вот полезут — бей их. А

енного наркотика?

— Да, наверное, с детства. Во-первых, родители воспитывали меня на Великой Отечественной войне. Мама с восьми лет отработала два года на снарядном конвейере. Медаль у нее даже есть — “За победу над Германией”... Когда меня призвали, как раз начался Афганистан. Так я рапортов 15 написал, а меня ушли служить на Дальний Восток. А когда появилась возможность посмотреть воочию, что такое война, то я поехал сначала в Таджикистан, где осенью 1994-го активизировались боевые действия, а потом в Чечню.

— Я знаю, что у тебя сложные отношения с

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ СНАЙПЕРА

СЕРГЕЙ ГОВОРУХИН:

“РАНЬШЕ Я ДУМАЛ О ЧЕЧЕНЦАХ — ДАВАЙТЕ ВСЕХ ПЕРЕСТРЕЛЯЕМ...”

Моек. комсомо -
Мед. - 1998 г. - 25
февр. - с. 4.

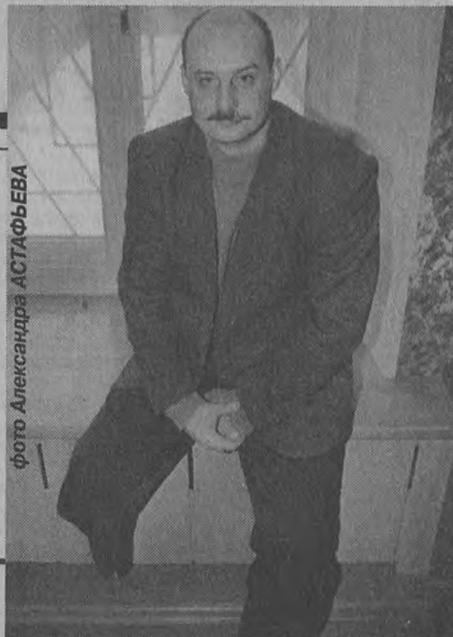

фото Александра АСТАФЬЕВА

питать иллюзии, что они когда-то будут в составе России? Да никогда не будут, им сто лет это не надо. Значит, опять будет война. Вот если бы мы их обнесли границей, да вывезли русских, да дали бы им жилье где-нибудь в Кемеровской области, это бы обошлось где-то в 2–3 триллиона рублей, но их пришлось бы реально потратить. А то уже потрачены мифические 20 триллионов, а где эти деньги осели, большого ума не надо, чтобы понять. Кто-то там наверху тоже очень хорошо понимает, что, если их оставить одних, ислам им пропасть не даст. Они бы расцвели. Если бы в декабре 1994-го не ввели войска, сейчас бы они были все упакованы и все у них бы было хорошо. Это был бы образец для остальных. В конечном итоге мы все равно их отпустим...

— Насколько война изменила твои взгляды на жизнь?

— Кардинально изменила. Есть такое понятие — “наркотик войны”. На войне совершенно другой уровень взаимоотношений. Там люди живут по тем правилам, по которым здесь никто не живет. Это честь, достоинство, отвага, порядочность. Для того чтобы выжить в “мирных” сегодняшних условиях, нужно совершенно противоположное. И поэтому людей тянет на войну. Естественно, после этого меняется философия. Многие, что было до, кажется просто смешным. Случись сейчас что-нибудь опять, я бы снова поехал. Но, слава богу, пока не воюют.

— Серез, а когда ты почувствовал вкус во-

отцом. Повлияло как-то твое ранение на его политическую позицию, амбиции?

— Да, отношения сложные, перетекающие из скандала в добрые отношения. Я как-то сам себе всегда был предоставлен. Отец никогда мне особо не содействовал в жизни, поскольку считал, что я должен всего добиться сам, и я с ним в этом согласен. Наверное, дело в том, что мы всегда жили отдельно. Когда я родился, он поступил в институт. Потом, когда закончил, они с матерью разошлись. Он уехал в Одессу, мы остались в Казани. Не знаю, кто прав, кто виноват в этой ситуации, мне неинтересно. Вообще я отношусь к нему с большим уважением. Его мое ранение, конечно, потрясло. Он был сам не свой, когда это случилось, и жутко переживал. Но, думаю, на его политике это не отразилось. Ну какая связь? Это война, на ней не только ранят, но и убивают.

— Его позиция по отношению к Чечне тоже изменилась с твоим ранением?

— Я, когда началась война в Чечне, имел неосторожность сказать: “Ну и слава богу, что началось. Давайте сейчас всех перестреляем”. А потом мое отношение кардинально изменилось. Так же, по-моему, менялась и точка зрения отца...

Мария МАРКИНА.